

Хороший день рождения, или это же очманеть можно, или кто бы мог подумать.

8:30. Хорошо, что проснулся. Это же очманеть можно - столько пить. Все так невинно начиналось: женевские коллеги - синхронные переводчики пригласили на кружку пива. Сколько их оказалось?

Хорошо, что проснулся. Сегодня у Сережи Чечельницкого день рождения.

Надо вставать. Нет, прежде надо понять, что я решил вчера: ехать или не ехать в Люцерну повидаться с Витьком, который приедет туда на ежегодный всемирный конгресс футурологов.

Эта Люцерна - вообще хрен знает где, пол-Швейцарии проехать надо. Я вообще думал, что Люцерна - это кормовая культура для коров. Люцерна и люпин, что ли.

Встать надо. Нет, сначала решить надо, зачем встать. На работу не надо: я договорился, меня прикроют на весь день, то есть я договорился - значит, я решил ехать в эту Люцерну.

Сегодня у Сережи день рождения, надо позвонить, но не сейчас, он не узнает мой голос, а я - его. Потом, из Люпина позвоню.

Чего тут думать - вставать надо. Я думать не могу. У меня крошечный участок мозга сейчас работает, все остальное я утопил вчера, надо этот участок жалеть, стараться не думать.

Как же холодно на улице - это же очманеть можно! Где это хреново глобальное потепление? Где это хваленый Эл Гор? Пообещал потепление, сорвал Нобелевскую премию - и слинял? Людям нужно больше тепла. Или теплоты? «Ты так захочешь теплоты», между прочим. Теплота - залог здоровья. Парниковый газ костей не ломит. Во сколько я понабрался...

Эта джинсовая куртка ни хрена не греет. Что этот трамвай ждать - здесь до вокзала 2 остановки.

Вокруг одни арабы, турки и негры. Сами швейцарцы, наверно, от них по домам прячутся. Или в банках сидят - деньги считают. Коля - мой новый венский коллега вчера мне рассказывал: «Лет 20 назад в Женеве можно было кошелек оставить на крыше автомобиля, а утром - забрать его оттуда. Никто бы не взял». Теперь и автомобиля утром можно не найти...

Во - билет оказался гораздо дешевле, чем я предполагал. На Интернетe вчера смотрел - было значительно дороже. Видно, распродажа сегодня. Так, 4-я платформа, 9:10 - надо бежать. Только - стоп! Почему на билете «Лозанна» написано? Это же что - я попросил билет до Лозанны? А кассир - продал. Ему невдомек, что я говорю «Лозанна», а подразумеваю - «Люцерна».

Кассир меняет билет на Люцерну. Да, Интернет таки не врал. А как же я радовался: билет такой дешевый, и я так непринужденно, как какой-нибудь француз, сказал: «Lausanne, allez-retour, s'il vous plait». Как доволен я был собою...

Кассир смотрит на меня с жалостью. Что с меня взять - больной человек...

Бегом на платформу. Вскликаю в поезд - и он сразу же отходит. «Этот поезд - куда идет?» - решаю я уточнить. «В Лозанну», - отвечает один из пассажиров. Как в Лозанну? Опять в Лозанну? Это же очманеть можно - быть таким тупым! Сколько в Швейцарии городов? 3? 4? Чуковский по мне плачет. А, может, смеется.

Я падаю на сиденье. Ебись она конем – Лозанна эта, т.е. Люцерна. Футурологи эти. Выйду в Лозанне и поеду обратно в Женеву. Только не перепутать со Жмеринкой.

«Ваш билет, пожалуйста», - обращается ко мне контроллер.

- Вот. Только я ошибся, мне в Лозанну нужно.

- Хм, а билет у Вас – до Люцерны.

- Да, я хотел сказать – до Люцерны. Поэтому я Лозанне я выйду и поеду обратно в Женеву.

- А в Люцерну – не поедете?

- Не знаю.

- Т.е. Вы не хотите ехать в Люцерну?

- Хочу, но не могу.

Контроллер внимательно смотрит на меня и присаживается напротив.

- Почему же Вы не можете ехать в Люцерну? У Вас же туда билет.

- Потому что поезд идет в Лозанну.

- Вы не хотите ехать в Лозанну?

- Не хочу.

- А в Люцерну ехать Вы хотите?

- Хочу.

- Так почему Вы туда не едете?

- Откуда же я знал, что поезд пойдет в Лозанну?

Контроллер начинает что-то понимать.

- Вы не волнуйтесь. В Лозанне поезд остановится всего на 1 минуту и пойдет дальше – через Берн – в Люцерну.

У меня на глаза наворачиваются слезы радости, хотя мне и очень стыдно. Хороший, хороший контроллер, хороший швейцарец. Не то, что тот кассир, который не мог понять, куда мне надо ехать. А ты, Славко, мудака, сколько можно пить...

Фу-х, можно расслабиться. Посмотреть в окошко. Красота: горы, озера... Читая взял предостаточно, в том числе и по работе. Надо все-таки что-то подчитать про эти стойкие органические загрязнители, про которые мне нужно переводить в Женеве. Список этих СОЗ я уже читал. Очень удивился, что моих детей – Мити и Алеши - среди них не оказалось. Только химикаты.

«Моделирование позволяет предположить, что эндосульфат имеет характерный для него высокий потенциал биомагнификации, связанный с высоким показателем Коа в пищевых цепочках легочных наземных организмов, морских млекопитающих и человека. Кроме того, эндосульфат был обнаружен в жировой ткани и крови животных в Арктике и Антарктике. Эндосульфат был также обнаружен в ворвани малых полосатиков и печени глупышей. Таким образом, имеются достаточные доказательства того, что эндосульфат поступает в пищевые цепочки, подвергается биоаккумуляции и имеет потенциал биомагнификации в наземных пищевых сетях».

Это просто возмутительно - продолжать использовать эндосульфат. Это прежде всего безнравственно: если малые полосатики еще могут отказаться от эндосульфата, чтобы не допускать его к себе в ворвань, то глупыши по глупости своей будут продолжать его употреблять.

Коров много. Очень много коров в Швейцарии. Стоят на фоне декораций – красивые, чистые, толстые. Арабов, негров, турок – нет. Швейцарцев тоже – они или в поезде едут, или стоят на платформах.

Есть еще овцы. Вот две козы. Опять коровы. Они все сами по себе. Без людей. Самоуправление. А, может, они всем и управляют. И очень чистые. Такое ощущение, что швейцарские коровы не срут. Безотходные коровы. И у них ноги с одного бока – короче, чем с другого для того, чтобы удобнее было стоять на склонах гор. Это – общеизвестный факт, результат тщательной селекции.

Вот уже к Берну подъезжаем: коровы здесь, наверное, немецкоговорящие. «Grüß Gott, коровы! Wie geht's? Привет вам от russische Schweine!» Они в ответ: «Herzlich willkommen, lieber Herr russisches Schwein!»

Что он опять хочет, этот контроллер? Опять билет просит показать. Он что – забыл меня? А, он не один: с учеником. Ученик тоже в форме, с восхищением смотрит на учителя, на то, как тот компостирует билет. Светится от счастья: когда-то и он будет так компостировать.

Тошнит. От коров, наверное. Слишком их много. Хватит смотреть в окошко.

Что он опять ко мне пристаёт, этот контроллер. Только заснул, а он опять. А, приехали...

Люцерна. Ну, это уж точно декорации: так красиво в жизни не бывает. Ну, точно все из картона и ярко раскрашено: дома, церкви, мосты, горы. Ох, что это? Что-то с сердцем, оно взбрыкнуло. Нет, что-то с карманом: в нем мобильный вибрирует. СМС от Витьки: «Как выйдешь из вокзала - сразу налево, вдоль озера м 50 гостиница Швайцерхоф».

Вышел из вокзала и сразу налево. И сразу уперся в задник с альпийскими заснеженными вершинами. Должно быть, декорации успели поменять. Вернулся на вокзал. «Выйдете из вокзала и сразу направо, потом по мосту через озеро и там – гостиница, - сказали в справке. - Собственно, ее отсюда видно».

И действительно: вдоль набережной выстроилось несколько необычайно красивых зданий, составлявших г. Люцерну – церковь, магазины, ратуша и гостиница «Швайцерхоф». Казалось, что от сильного ветра, создаваемого мощным невидимым вентилятором, здания эти покачивались.

Идти до гостиницы было минуты 3, хотя поначалу она казалась далеко. Что значит - перспектива.

«Славко», - вскричал Витько, ожидавший меня в вестибюле.

«Витько!» - вскричал я в ответ. Мы обнялись.

Витько, он же Виталий Гольдштейн, он же Vitali Vitaliev – друг моей студенческой юности, лауреат советских и иностранных журналистских премий, «литературный лев Великобритании», как называли его в одной радиопередаче на Би-Би-Си, внешне совсем не изменился. Только поседел. Больше поседел, чем полысел. Ну, и зубы, конечно, несколько подрывали аналогию с царем животных.

Но в остальном Витько – прежний: невысокий, крепко сбитый, без острых углов и удобный для мытья.

Я мыл его в харьковском парке им. Горького. Была ранняя весна (мой день рождения?), снег таял на аллеях, образовывал лужи. Было скользко. Мы возвращались после какого-то веселого мероприятия, смеялись и падали. Витьку надо было возвращаться домой – к родителям и молодой жене с ребенком. Чтобы сделать его минимально презентабельным, я решил помыть его. Витько стал посередине лужи, и я принялся отмывать его куртку мокрым слежавшимся снегом. Эффект оказался не совсем

таким, каким мы его ожидали: вид у будущего «литературного льва Великобритании» был такой, как будто он провалился в прорубь, а затем вывалился в грязь.

-Слушай, Витько, у меня бутерброды есть – я в Женеве на дорогу сделал – давай купим бутылку и разопьем в номере».

-Номер еще не готов, обещали через час. Пойдем пройдемся куда-нибудь, сядем.

Сели в ирландском пабе. Взяли бутылку красного.

-Славко, я за все плачу, мне журнал скомпенсирует.

-Что, и вино тоже?

-В общем, да, если это будет проходить как обед или ужин. Простите, квитанцию можно? Девушка протягивает квитанцию. На ней крупно отпечатано: «бутылка вина – 35 франков».

Витько задумывается. «Вы можете от руки написать «обед» - просто на вашей визитке?» Девушка послушно все пишет.

-Я тебе сам такую липу мог бы написать, Витько.

- Херня, Славко, все оплатят, я признан лучшим редактором года Великобритании. Или лучшим редактором Великобритании года – я уже не помню.

Славко, давай, дорогой, выпьем за встречу. Сколько лет мы не виделись – 4 года?

-Или 5. Я тогда остановился на один день в Лондоне. Ты прилетел из Дублина.

-Да, да, давай выпьем. За нас.

-Сегодня, кстати, у Сережи Чечельницкого день рождения. Ты его помнишь?

-Конечно. Хороший парень, только лысый.

-Вообще он не лысый, а рыжий. Но тогда он – да, брил голову.

-Да, конечно, я его отлично помню.

-Он сейчас главный архитектор города. Построил кучу зданий в Харькове и др. местах. ---

-Давай выпьем за его здоровье.

-Давай.

-Как, кстати, твое здоровье?

-Нормально. Вовремя сделали операцию на артериях. Только курить пришлось бросить. И вино надо пить.

-А ты что – возражаешь?

-Нет, но я от него толстею. Я говорю доктору – я толстею, может, мне не стоит пить столько красного вина? А он мне: «Вы лучше ешьте поменьше».

-А я врача спрашиваю: «Зачем мне все эти лекарства? Можно ли при этом пить?» А он мне: «Конечно, если Вы выпиваете полбутылки водки в день, то Вам не нужны никакие лекарства!» Я хотел спросить: «А откуда Вы знаете мою дозу?», но не стал пугать человека, они, американцы, восприимчивые.

-Да, Славко, кто бы мог подумать, что мы будем говорить о врачах и болячках.

-Ладно, хватит о грустном. Давай за нас, за нашу дружбу, за наших друзей. Вот сегодня – день рождения Сережи Чечельницкого...

-Давай, Славко.

На улице стало теплее, только вид снежных вершин немного холодит.

-Славко, надо пойти в гостиницу, отдохнуть немного.

-Давай сначала купим тебе лекарство в гастрономе, а закусить у меня есть: бутерброды – очень хорошие, с черным хлебом, органические, без стойких органических загрязнителей.

-У тебя неплохой номер, Витько. Кто бы мог подумать...

-Что ты хочешь, Славко, 5 звезд. Но в этом году дали без вида на озеро – кризис. Я, кстати, уже 3-й год сюда приезжаю – покрывать конгресс футурологов.

-А, может, озеро передвинули.

-Возможно.

-Давай посмотрим, что здесь в минибаре. Бутылка шипучки – 60 франков, это же очманеть можно.
-Давай вина лучше. Вот смотри, какая открывашка красивая, я ее спизжу. Я ее каждый год здесь пизжу. И ручки – фирменные. Возьмешь одну?
-А с тебя не спросят?
-Нет, Славко, все включено.
-Слушай, Витько, я уже отдохнул, пойдем куда-нибудь – посидим.
-Поехали, Славко, кататься по озеру на кораблике, виды – сногшибательные. Альпы и все такое...

На катере мы покупаем бутылку красного и садимся за столик. Вокруг – горы, вода, снег, леса, домики – нереальных цветов, будто ч/б фото переделали вручную в цветное.

-Да, Славко, кто бы мог подумать тогда, в Харькове, что мы с тобой будем встречаться то в Америке, то в Англии, то в Швейцарии. Это все как-то нереально.

-Конечно, нереально. Ты посмотри вокруг – это же открытка какая-то.

-В этом – проблема Швейцарии. Ты думаешь, почему шведы такие угрюмые? Они понимают, что они живут в открытке. Все – открыточное, ненастоящее, кроме денег. Я писал об этом – я книгу для тебя привез, считаешь.

-У меня, Витько, такое чувство, что если мы еще одну бутылку возьмем, то эти декорации разъедутся, и мы окажемся в парке Горького за столиком у тети Наташи.

«Принесите нам еще одну бутылку», - просит Витько. Он произносит эти слова так нежно, что мне слышится Витько 30-летней давности, который заказывает «бутылочку водочки».

-Ох, Славко, куда все подевалось? Давай выпьем за нас.

-Давай, Витько. И за всех наших, вот у Сережи Чечельницкого – день рождения. Тебя в Харьков никогда не тянет?

-Тянет, конечно. Я бы туда съездил, некоторых людей хотелось бы повидать. Сашу, Наташу... Саша Кальниченко здорово изменился?

-Нет, он не изменился.

-Так что теперь - не ехать?

Мы смеемся.

-А Петюню помнишь?

-Помню, конечно. Хорошие стихи писал.

-Вообще, он на гитаре играл.

-Да, да, помню.

-Сейчас он – великий математик, мировая величина. Теперь мы живем по соседству: я в Вене, Петя – в Линце. Когда его пригласил на работу Тель-Авивский университет, Австрия хотела объявить Израилю войну. Но все обошлось. Австрийский канцлер специальным указом предоставил Пете гражданство, лишь бы он никуда не уезжал. Но Петя не возгордился, он такой же скромный, как и раньше.

-И ты, Славко, совсем не изменился. Ты совсем ничего о себе не рассказываешь. Как ты сам-то? Как здоровье?

-Отлично, только все болит.

-Как это – все?

-Так – все.

-Что – и... уши? И ноги?

-И ногти. И глаза. Мне вот смотреть больно.

-На меня?

-На тебя.

-Потому, что так изменился?

-Нет, потому, что не изменился.

Мы смеемся почти до рвоты. Пассажиры строго смотрят на нас из открытки.

-Мы сюда не вписываемся, Витько. Здесь так все красиво расставили – и горы, и озера, и коров, и замки – а тут мы. Эффект тот же самый, если мы бы вышли на сцену, на которой исполняется танец маленьких лебедей.

-Да, ты прав, это все – открытка. И шведы понимают, что все это игрушечное, ненастоящее. Поэтому они такие угрюмые. Я писал об этом.

Витько задумывается.

-Или не я. Короче, почитай книгу, она очень хорошая, я там много пишу о Швейцарии.

Пароходик пристает к берегу. У подножия зеленых гор – живописная деревушка. На изумрудных склонах ходят красивые коровы. На их шеях побрякивают колокольчики с национальной символикой. Все сверкает яркими цветами и стерильной чистотой. Без анестезии на эту красоту смотреть больно.

Мы усаживаемся на террасе итальянского ресторанчика на набережной и заказываем бутылочку красного вина со спагетти.

-Витько, ты заметил, что здешние коровы - не срут?

-Нет.

-Понаблюдай – сам увидишь. Они ведь тоже - ненастоящие.

-Возможно. Швейцарцы это понимают, из-за этого у них комплекс неполноценности. Видел, какой на корме большой флаг? Больше парохода. Комплекс...

-Славко, в гостинице нужно отдохнуть, полежать немножко перед приемом.

-Каким приемом?

-Футурологов. Я писал об этом. Т.е. – я тебе уже говорил. Завтра – конференция, а сегодня – прием.

-А у тебя кровать большая?

-Какая кровать?

-В номере. Поместимся или по очереди будем отдыхать?

Мы возвращаемся в гостиницу.

-Мне от тебя нужно Чечельницкому позвонить, поздравить с днем рождения.

-Передавай ему привет. Я пока пойду в ванную. Ты, кстати, знаешь, что немцы кричат в туалете?

-Что они кричат?

-Не знаю – кричат и все. Я теперь тоже кричу.

-Но ты все-таки потише, а то Чечельницкий испугается.

Я дозваниваюсь с третьего раза под сдавленные стоны Витька. Сережа звучит уставшим от всевозможных мероприятий, проведенных в этот знаменательный день.

Входит красный от крика Витько и ложится на кровать.

-Тебе привет от Чечельницкого.

-Спасибо.

-Он приглашал к себе на дачу в субботу. Тебя тоже. Поедем?

-Ох, Славочка...

-Витько, я, наверное, не пойду на прием.

-Славко, ты чего? На футурологов посмотришь. Они смешные.

-Они что – серьезно предсказывают будущее?

-Конечно.

-Ну, и что они предсказывают?

-Один профессор докладывал, что всем нам, конечно, в физическом смысле будет хана, и всей планете тоже, но нанотехнологии будут так развиты, что нанороботы будут запущены к нам в мозг, все там сфотографируют, и мы перенесемся в киберпространство, в виртуальный мир, и будем жить там вечно.

-Что-то вроде матрицы.

-Ну да. А одна баронесса есть, она предсказывала говорящие йогурты.

-То есть?

-Человек, если ему не с кем пообщаться, будет иметь возможность поговорить, например, с йогуртом.

-Прежде, чем его съесть?

-Ну да.

-А йогурт ему что?

-Что йогурт?

-Что ему йогурт говорит?

-Не знаю.

-Может, жалуется, что его едят. Хрипит, наверное, бедняга, когда его доедают.

Когда, кстати, прием?

-Да вот, уже надо начинать торопиться, как говорил Саша Кальниченко.

-Я все же не пойду, неудобно, ну, кто я такой? В каком качестве я там заявлюсь?

-Перестань, Славко, никто слова не скажет, тем более, что я для них – очень нужный человек, кто еще про них напишет?

-Ладно, пойду, но только, если ты меня представишь, как своего супруга. Или супругу.

По-английски это неважно. Ты скажешь: “This is my spouse, Slava”.

-Перестань, Славко!

-Пообещай мне, иначе я не пойду.

Витько – молодец, сдержал обещание. Перед входом в банкетный зал на первом этаже гостиницы мы подошли к встречавшему гостей молодому мужчине с бритой головой в шелковом нашейном платке. Он радушно поприветствовал Витьку и посмотрел на меня. «Meet Slava, my spouse», - произнес Витько. Молодой мужчина ласково посмотрел на меня и легко прикоснулся к моему плечу. «It is nice seeing you, - сказал он теплым голосом. - Welcome to the party».

Party был не ахти: красное вино и орешки. К Витьку подходили люди, благодарили за то, что он вновь приехал освещать их конгресс. Многие были в шейных платках. Одна женщина с бритой татуированной головой в брючном костюме жадно пожирала чипсы и орешки.

-Кто это, Витько?

-Эта женщина докладывала про пищевые принтеры будущего. Ты по Интернету заказываешь еду – филе миньон, например, или пиццу, и заказ печатается на специальном принтере, и ты жрешь бумагу.

-То-то она, бедолага, на орешках отрывается ...

Витько провожает меня на вокзал, который перенесли с прежнего места минимум на 10 кварталов.

-Витько, эта сцена повторялась уже сто раз: ты провожаешь меня на вокзал. В Харькове, в Москве, в Лондоне...

-Да, Славко... Кто бы мог подумать...

-Это же очманеть можно... Ты, кстати, к этому парню на входе подойди, он так призывно смотрел на тебя, когда мы уходили.

-Славко...

В поезде было неинтересно: за окошком была темень «Нужно будет Пете рассказать про этих футурологов, он любит фантастику, у него богатое воображение», - успеваю подумать я прежде, чем закрыть глаза.

Женева, 2009г.